

ГЛАВА 27

«Привет, Лиль! Чем занимаешься? Ты на работе?»

«Привет. Да, работаю, трудный день. Пациентов много. Как ты?»

«Я нормально. Тоже на работе. Скучаю по тебе. Скорей бы уже ноябрь :)»

«Я тоже скучаю. Вовчику привет!»

Вовка будто испарился. Я стал видаться с ним еще реже, лишь заезжая в «Пеликан» за деньгами. «Пеликан» остался единственным местом, где Сергей не получал деньги. Все остальные базы он объезжал сам, иногда мы катались вдвоем. В «Пеликане» же, приезжая, мы неизменно разделялись – Сергей оставался в машине, я шел за деньгами.

- Че, Вована видел своего? – сказал Сергей в четверг 6 октября, едва я вернулся в «мазду» и передал ему два листа с остатками товара.

- Да видел, - кивнул я.

- Че он там? – буркнул Сергей, изучая бумаги.

- Да ниче, нормально, работает, весь в отношениях! – хмыкнул я весело, с трудом представив Вовку в романтическом образе.

- Да ты че!? – нарочито удивился Сергей. – Вован подругу что ли себе завел!?

- Да! – тянул сильнее улыбку я. – Познакомился, когда мы на шашлыки ездили.

Я рассказал в подробностях тот день.

- Это ж теперь с кем тебе ходить по клубам? – посмотрел на меня Сергей.

- Да ни с кем! Я и сам нормально хожу. Там и без Вовки куча знакомых...

Вечерá пятницы и субботы я провел в «Небе». Спустившись в клуб в пятницу, я тут же столкнулся взглядами с Ритой. Та глянула сквозь меня и отвернулась. Я направился к барной стойке, поравнявшись, поздоровался, и прошел мимо. Заказал у бармена двойную «отвертку», закурил и ухмыльнулся собственным мыслям. Такая женская реакция всегда удивляла. Если девушка из двух парней выбрала кого-то, то неужели к другому нельзя иметь хотя бы просто нейтрально-вежливое отношение? К чему все эти позы? Возможно, девушкам не нравится, когда отшитый парень не крутится страдальчески рядом, а ходит с довольной рожей, как я в тот вечер.

«Привет, Лиль.) Чем занимаешься? Не спишь?»

«Привет. Нет пока. Сидим с коллегами в кафе. Отмечаем ДР. Ты как?»

«Я нормально. В бар зашел на пару часиков. Потом домой.»

«Зачем туда зашел? С девчонками знакомишься? :)»

«Нет. Просто скучно. Тебя же нет рядом. Скучаю по тебе.»

«Не скучай. Скоро увидимся.»

«Долго еще, целый месяц. Хочу услышать твой голос. Позвонить?»

«Давай попозже. Сейчас неудобно.»

«Хорошо.»

«Через час.»

«Хорошо.»

«Отвертка» кончилась. Заныл желудок. Я уже знал, что делать – повторил заказ, тут же вытянул через трубочку половину и снова закурил. Смесь алкоголя и никотина притупила боли. Я прислонился к стене грота и, потягивая коктейль, стал рассматривать всех идущих на танцпол. Публика в заведении изменилась. Пару лет назад она состояла из студентов и более-менее приличной молодежи постарше. Теперь я наблюдал иных людей. Прежние еще попадались, но их было мало. Полууголовного вида молодые люди и такого же низкого пошиба девицы заполнили клуб. Лысые или коротко стриженные под машинку парни беспрестанно матерились, пили самое дешевое пиво и стаканами без закуски такую же водку, обводили окружающих мутным взглядом, стреляли сигареты и скрывались во мраке танцпола. Возвращались вскоре за очередной порцией водки. Опрокинув стакан в рот, утирались рукавом или тыльной стороной ладони, осматривались уже агрессивным взглядом и, грубо распахивая попадавших на пути, заплетающимися шагами удалялись вновь на танцпол. Заканчивали такие типы всегда пивом, пили его большими глотками много и жадно, отчего взгляды их мутнели до полного отупения. Их спутницы, манерно держа в руках сигарету или пластиковый стакан с пивом громко матерились и вызывающе смеялись. Легкость и веселье, витавшие ранее в заведении, сменились затхлостью уныния и безнадеги. Тех, кто стремился в жизни вверх, сменили их сверстники, которые катились вниз. Захмелевшим сознанием я вдруг осознал – вся эта клубная жизнь начала неумолимо удаляться от меня. Я пошел в туалет. Забитая раковина, не работающий один из двух писсуаров и единственная занятая кабинка, из которой доносились отрывистые звуки. Туалет был полон пьяным сбродом. Странно, раньше я не замечал подобного. Теперь, словно вынырнув на миг из пелены, прозрел. Стало душно. Захотелось свежего воздуха. Я пошел к выходу, толкнул тяжелую дверь и втянул полные легкие свежего воздуха. Его прохлада проникла под толстовку, коснулась голого тела и заставила поежиться. Я отошел к дороге, закурил, развернулся лицом ко входу клуба, увидел девушку и остолбенел. Метр шестьдесят-метр шестьдесят пять, крашенная блондинка с копной вьющихся волос до лопаток – она стояла сбоку от входа с каким-то парнем. Тот сидел на низком козырьке, обхватив ее бедра коленями. Одета девушка была во все светлое – тонкий белый свитер с воротником, бежевые обтягивающие бриджи и белые туфли на шпильке. Едва смуглая от природы кожа девушки на контрасте с белым производила разящий эффект. Я пялился на девушку минут десять, пока осознал, что ее фигура идеальна. Абсолютные пропорции! Я в сотый раз отсканировал ее взглядом снизу вверх: красивые ступни с высоким подъемом; четко очерченные икры; обтянутые бриджами аккуратные бедра, переходящие в идеально круглую и упругую попу; плоский живот с узкой талией; тонко высеченные кисти рук со здоровыми крепкими ногтями и маникюром без лака. Довершала шедевр идеальная грудь четвертого размера. Девушка засмеялась на реплику парня, рукой взбила копну волос – я увидел ее лицо. Безупречные аккуратные черты. Большие голубые глаза, широкие темные брови, прямой средний нос, полные широкие губы, открывшие в улыбке идеально ровные зубы. И никакой косметики! Переминаясь с ноги на ногу, девушка отошла на пару шагов от парня, вернулась и нежно обняла его за голову. Как пластично она двигалась!

«Боже мой! Неужели ты и вправду создал ее!? Невероятно!»

Девушка столь разительно отличалась от окружающих, будто их и не существовало вовсе. Что она тут забыла? Место не вязалось с ее образом. Словно лебедь в курятнике. Я перевел взгляд на парня. Высокий стройный симпатичный блондин. Парочка смотрелась отлично. Жгучее чувство тоски разлилось по моей груди, дико захотелось, уже наконец,

настоящих отношений. Ком подступил к горлу, я отвернулся от парочки и рассеяно уставился на катящиеся мимо машины. Нахлынувшие чувства соединились с образом Лили и усилились. Я достал телефон.

«Хочешь, я к тебе приеду?»

«В смысле? Когда?»

«Давай, позвоню.»

«Звони.»

Я позвонил. Пробурчал сдавленно в трубку, что соскучился по ней, и предложил приехать в Москву – увидеться, погулять вместе, сходить в кино.

- Немного неожиданно, - задумчиво произнесла Лиля. – А как ты хочешь приехать, на сколько? Я же живу в общежитии и не смогу тебя разместить у себя...

- Лиль, да причем тут это!?! – удивился и оскорбился я такой мысли. – Я же не из-за этого еду. Хочется тебя увидеть. Я приеду, мы погуляем, вечером уеду обратно. Вот и все.

Лиля сказала, что скорее всего в следующие выходные будет свободна от дежурств, и даже встретит меня на вокзале. Я радостно воскликнул в ответ.

Парочка перестала обниматься. Парень взял девушку за руку, и они неспеша пошли прочь от клуба.

На мое восклицание Лиля заметила, что встречу еще обсудим ближе к выходным, поинтересовалась, в клубе ли я до сих пор?

- Нет, я на улице, домой уже иду...

- А что так? Девушек нет там интересных? – поддела меня Лиля.

- Лиль, да я и не искал тут никаких девушек... - пожал недоуменно плечами я.

- Да я так, пошутила. Ладно. Я уже спать собираюсь. Целую тебя, дорогой. Пока.

- Пока, Лиль. Целую тебя. Спокойной ночи.

Закончил разговор я на полпути к гостинице. Близилась полночь. Знакомая машина стояла на привычном месте. Я поздоровался с ее водителем.

- Че это ты так рано!?! – вытаращился на меня тот.

- Да так, скучно там стало, надоело... наверное, старею, - засмеялся я беззвучно.

- Поедешь?

- Не, пойду пройду, - мотнул я головой, попрощался и побрел вдоль дороги.

Я прошел три остановки и сел в одну из последних маршруток.

Было неясно как дальше строить отношения с отцом. Между нами возникла едва осязаемая стена отчуждения, отношения стали напряженно-нейтральными. Общение наше свелось к минимуму. Я крутил в голове возникшую ситуацию, ища приемлемый для обоих выход. С одной стороны, своей вины в уходе отца я не ощущал. С другой – высказанное им свое видение случившегося: я не поддержал отца в тяжбе с Сергеем, когда тот «выгнал его». Отец настаивал на том, что «Сергей его выгнал», а я «не занял, как положено сыну, позицию отца». Я каждый раз парировал его довод напоминанием общей договоренности перед объединением. Ответом всегда было молчание. Нутром я чувствовал – отец считает меня предателем. Не ощущая за собой вины, но желая помочь отцу выйти из сложившейся ситуации, я решился на разговор. Начало октября 2005 года выдалось теплым. Субботним днем отец привычно курил на балконе полулежа грудью на подоконнике открытого окна.

- Па, слушай... – зайдя на балкон, подсев на диван и закулив, начал я.

Отец полуобернулся и снова отвернулся.

- Раз уж так вышло, что вы с Серым не сошлись... - стал я подбирать слова, - то, может быть, ты сам займешься чем-нибудь? Я в том плане, что деньги у нас есть. Да и со складом, думаю, проблем не будет. Нужно будет, у нас часть арендуешь. Это стоить будет копейки. Я бы тебе его бесплатно предложил, но, раз я не один в фирме, то Серый, скорее всего, будет против, а так по той же стоимости за метр, что мы платим – без проблем.

Отец докурил, пулкнул бычок с балкона, выдохнул дым, развернулся, посмотрел на меня строгим пронизывающим взглядом, сухо выдал: «Займусь, не переживай.»

- Да я не переживаю... - промямлил я. – Смотри сам, конечно, как тебе лучше. Я просто подумал, раз уж так вышло, то возможности для работы у тебя есть. Можешь брать наши деньги и работать. Чем надо, я помогу. Хорошо?

Отец кивнул пару раз, цыкнул, холодно произнес «хорошо» и снова отвернулся.

Общение не клеилось. Внутри меня злость сменила чувство вины. Я сцепил зубы, встал и вышел. Уперевшись в стремлении помощи отцу в холодную стену отчуждения, я тут же выстроил такую же свою. Желание помочь улетучилось само собой. Я чувствовал, что, отец не собирается менять свою позицию. Чего он ждал от меня? Покаяния? За что? За свою же выходку? Очень удобно обвинять другого. Даже если и была доля моей вины в случившемся, но ведь лишь доля. Зачем же лепить из меня полного виновника. Отрицание отцом малейшей доли и своей вины в случившемся злило. «На обиженных воду возят», - подумал я жестко, выпил на кухне чаю с куском хлеба и вышел из дома.

Через час я был в клубе. Сходу заказал двойную «отвертку» и прилип к барной стойке. Вечер выдался скучным. К полуночи «Чистое небо» заполнилось почти битком, но настроение не улучшилось. Заныл желудок. Я залил боль алкоголем и вышел на улицу. Осенняя хандра продолжала расти. Я закурил и зашагал домой. Не хотелось оставаться в клубе, не хотелось оказаться дома, не хотелось ехать на такси. Не хотелось никуда. Я шел, и размеренная работа ног приносила облегчение. Хотелось идти и думать. В голове царил хаос, и лишь четкий ритм шагов помогал упорядочить мысли. Сверхудачное объединение с Сергеем привело почти к разрыву отношений с отцом. Не сложившиеся одни отношения компенсировались знакомством с Лилей. Образы в голове летели вереницей и сливались в сплошной калейдоскоп: отец, мать, Сергей, Вера, Вовка, Рита, Лиля и блондинка в белом. Я шел пока не устал. На середине пути я поймал какого-то «шкипера» и вскоре был дома.

Воскресенье. Дома было некомфортно. Мать все так же лежала в своей комнате, изредка выходя по необходимости. Отец молчаливо держал психологическую дистанцию. Вовка не звонил, Лиля не писала. Я проспал сколько смог и, поздно позавтракав, засел за компьютерную игру, чтобы хоть как-то убить время.

- Рамзееес! – позвонил вдруг Вовка. – Че делаешь!? Здарова! Пошли гулять с нами!

Обрадовавшись звонку друга, я не заставил себя уговаривать и около шести вечера встретился с новоиспеченной парочкой в центре.

- Привет, - скромно и дружелюбно произнесла Лера.

- Здарова, буржуй! – сунул мне в ладонь свою грубую руку Вовка и полез, кряхтя от радости, обниматься. – Че, бля, какие дела!? Бизнес прет!? Бабки рубятся!? Соскучился по тебе, Рамзес, не поверишь!

- Почему не поверю!? – улыбнувшись, глянул я на Леру. – Верю!

Втроем мы неспеша побрели по улице. Вовка тут же насел с расспросами. Я сказал, что все в порядке: бизнес движется и растет, напарник, Сергей, вроде малый нормальный – привнес с собой в общую фирму много нового товара.

- В общем, не зря мы с ним объединились! – подытожил я.

- Как там Анатолий Васильевич, батя твой как!? – посерьезнел сразу Вовка.

- Да так, вроде чем-то занимается, извозом... - начал я и осознал, что и впрямь без понятия, чем занимается отец. – Мы сейчас мало общаемся, напряженная у нас ситуация...

- Да, батя у тебя – серьезный мужчина! – заскреб в затылке Вовка.

- Ну, а у вас как дела? – увел я разговор от неприятной темы.

- Да вот, встречаемся! – Вовка кивнул на Леру, та издала смешок, довольный собой Вовка тут же подтянул штаны, выпятил грудь и наигранно строго глянул на девушку. – Думаю, вот, устроить ее к себе в «Пеликан» в бухгалтерию. Пойдешь!?

- Пойду, - тихо засмеялась та.

В десять вечера у кинотеатра мы расстались.

- Ты щас куда? – прищурился Вовка. – Небось, в это сраное заведение!?

- О, как! Уже и «сраное»! Месяц назад было самым лучшим, а теперь – «сраное»!

- Да не, я не в этом смысле! – замялся Вовка, растерялся, засуетился, схватил меня за руку, пожал ее, затряс, отпустил и схватил за талию девушку. – Все! Пока!

- Пока, - смеясь, успела произнести Лера, и Вовка, шаркая по плитке проспекта и косолапя потянул ее за собой.

- Пока... - произнес я негромко, смотря вслед удаляющейся парочке, перевел взгляд влево на светофор. Желтый цвет на нем сменился зеленым. Я перешел дорогу и спустился в клуб. Сделав обычный заказ, я закурил и остался у барной стойки.

Вторая двойная «отвертка», третья. Настроения не было, и водка меня не брала. Я остался почти трезвым. Возникло ощущение, что я запутался или иду не туда или делаю не то. Я не понимал его смысла, меня лишь мучило от появившегося беспокойства. Или от алкоголя. Насильно в два глотка я осушил стакан и угрюмо пошел прочь.

- Купил на выходных специально, чтоб тебя угостить! – ставя на стол портфель, который я про себя назвал «чемоданом» из-за способности разбухать вдвое, сказал Сергей в понедельник. – Сам парочку скурил на дачке вчера с коньячком!

Из «чемодана» явились две тонкие сигары. Я удивленно озадачился.

- Будешь!? – довольно улыбаясь произнес Сергей. – Курил когда-нибудь сигары!?

- Блин, Серый, вот ты учудил! Сигары принес! – воскликнул я, взял предложенную мне сигару, поднес ее к носу и откинулся назад в кресле за столом.

Вера, вошедшая вслед за мужем, села за свое рабочее место, запустила компьютер и, глядя на нас, участливо улыбнулась.

- Я же давно курить бросил, а вот сигарками иногда себя балую! – сказал Сергей, сунул портфель в шкаф и, держа в руке сигару, плюхнулся в кресло у двери. – Знаешь, какой кайф, сесть вечерком у костра с сигаркой и бокалом коньячка и не спеша потягивать коньяк и тут же сигару, чтоб дым смешивался со вкусом коньяка во рту!

Услышав в который раз «мантру» про сигарки, коньячок, вечерок и костерок, я удивленно приподнял брови и произнес: Серый, если честно, я вообще не понимаю нафиг их курят!? Есть же сигареты, их хоть взятяг курят, а это... сигары же не взятяг курят, да!?

- Ну да, не взятяг, так я поэтому их и курю! Привыкания же нет никакого, так, побаловаться! – сказал Сергей, заговорщицки глянул на меня и добавил. – Покурим?

- Ну, можно и покурить, - пожал плечами я, достал из кармана зажигалку, прикурил свою сигару, протянул зажигалку напарнику.

Я потянул сигару в себя, кисловатый вкус заполнил рот.

- Ну как? – затынулся Сергей, выпустил дым вверх и глянул торжествующе на меня.

- Да хер его знает, Серый! Пока не понятно, в голову не шибает, на вкус приятно...

- Мальчишки, вы бы курили на улице..., – произнесла Вера.

- Да, кстати! – встрепенулся я. – Прости, Вер! Пошли, Серый, на улицу!

Мы вышли. Теплая и сухая осень радовала, желтая листва лежала на земле ковром. Я осторожно присел на провисшую железку изгороди, та заскрипела.

- Смотри, оборвется! – улыбнулся Сергей.

- Я аккуратно, вроде держится, - перенес я весь вес на трубу. – Хотя, я тяжелый...

- Какой ж у тебя вес!? – пыхнул сигарой Сергей и вразвалочку пошел по дорожке.

- Не знаю, давно не взвешивался, где-то девяносто пять-девяносто шесть, - пожал я плечами, отплеывая непривычный вкус сигары, машинально спросил. – А у тебя?

- Девяносто один-девяносто два, - покрутил рукой в воздухе Сергей. – Так где-то...

А когда на бокс ходил, во мне семьдесят пять было, прикинь! Сейчас поднабрал, конечно!

- Неслабо ты поднабрал! – хохотнул я, кивнув на живот напарника, нависавший над ремнем и заметный даже с выпущенной поверх штанов рубашкой.

- Да а ты меньше что ли!? – парировал Сергей.

- Ну... - задумался я, подсчитывая. – Примерно одинаково, но у нас и рост разный.

Десять сантиметров разница! Но, у тебя и плечи пошире, я сам не знаю, где у меня вес...

- От веса же и ударчик посильнее! – перевел диалог Сергей в плоскость бокса.

- Ну, естественно! – кивнул я. – Одно дело сто килограмм, с одного удара срубить можно, а другое – семьдесят или вообще шестьдесят... Запаришься руками махать...

- Да ладно, че прям – с одного удара, - отчего-то запротивился Сергей.

- Ну а че, разве нет!? – удивился я. – Ты ж ходил на бокс! Не знаю, сто килограмм – это серьезно! Если удар поставленный, то бьют как рельсом.

- Не, - мотнул головой и шмыгнул носом Сергей. – Мне мой вес нравился! И ударчик был и двигался нормально...

Он выпустил изо рта клуб дыма и снова стал прохаживаться по дорожке, дошел до ее конца, развернулся. Я тоже пыхнул дымом.

- Ну, как!? – кивнул Сергей на мою сигару.

- Да фиг его знает, - сказал я, засмеялся. – По мне, так лучше обычные сигареты курить, а это я не пойму, курю или нет...

- А мне вот, нравится, - произнес Сергей и задымил еще усерднее.

Диалог завис.

Я курил сигару и не понимал, чем занимаюсь. Дым вроде есть, толку нет, только во рту кисло и першит. Я отплевывался, смаковал языком нёбо и снова плевал. Сергей курил с достоинством, явно придавая действу ритуальности. Он вдруг задумался, словно решая, говорить или нет, колебался пару секунд, посмотрел на меня внимательно и, решившись, сказал: «Есть еще один производитель, мы работали в «Саше» с ним...»

- И че за производитель? – мгновенно обратился я весь во внимание.

Сергей рассказал о фирме из Москвы, производящей недорогую парфюмерию. Сказал, что продавался этот товар хорошо, и что в оптовых базах города его нет.

- Я вот думаю, может, нам завезти, попробовать поторговать? Что скажешь?

- Ну, если продается нормально, то даже думать нечего – надо брать и везти!

Сергей сказал, что они в «Саше» этот товар закупали сразу «в деньги» и отсрочку оплаты, скорее всего, нам не дадут.

- Не, нахуй!?! Это надо будет поторговаться! Че прям сразу – в деньги!?! – махнул я рукой с сигарой, закашлявшись. – Попробуем продавить стандартные условия – половина предоплата и остаток с отсрочкой дней в тридцать. На таких условиях можно работать...

Дверь здания открылась, на улицу вышла Вера.

- Звонили из «Оптторга», увеличили заказ, я перебила накладную заново, - подошла она к нам и протянула документ. – Петя же сейчас грузится, да? Нате, ему отдайте...

- Пошли! – кивнул я Сергею, встал и взял бумаги. Подвернулся повод покончить с дурацким занятием, я бросил сигару наземь, раздавил ботинком и направился к складу.

- Ты имей в виду, туалетная вода – емкий по деньгам товар и идет хорошо только под праздники, а в остальное время продажи так себе, - произнес Сергей, догнав меня.

- А в праздники насколько лучше продается?

- Влет продается! Ну, в «Саше» так было, а как на других базах, я не знаю, - развел руками Сергей, шустро болтая ими в шаг. Из-за разницы в росте я шагал шире и реже, он же не поспевал и чуть семеня, отчего его живот и плечи ритмично подпрыгивали.

- Да у всех одинаково все продается! – отмахнулся я.

- Ды эт да, - вздохнул Сергей.

- Насколько больше продается!?! В два, в три раза!?! – произнес я.

- Не, больше, раз в пять продажи увеличиваются! – выпятил губы Сергей.

- Нихуя себе! Заебись! Бля, Серый, тогда и думать нехуй, надо везти и торговать! – завелся я, засыпая речь отборным матом. – Ебать, там денежный кусок должно быть, да!?

- Ну, вообще – да! – еще сильнее выпятил губы тот, добавил. – А если мы закажем первую партию, и она не продается вся за тридцать дней, че делать будем? Мы ж и так размахнулись щас на соли, десять тонн, плюс отравой взяли торговать... это все деньхи!

Сергей произнес слово «деньги» с сильным местным акцентом. Я почти привык к нему и не замечал, но когда акцент звучал чрезмерно, то сильно резал слух.

- Ну и че!?! – удивился я наглостью игрока, которому пытаются отсоветовать делать жирную ставку. – Серый, да не ссы ты, выкрутимся! Подождут немного, ну, не подождут, заплатим, других придержим! Бля, Серый, об этом щас можно не думать! Привезем товар, начнем продавать, там видно будет! Единственное – надо заранее со всеми переговорить! Если хотя бы две крупные фирмы согласятся брать, то надо везти! А то кто-нибудь точно привезет этот товар! Вот увидишь! Если тот же «Форт» и хотя бы «Оптторг» согласятся...

Мы тут же на ходу перебрали все базы и оптовые организации, в которые хотели поставить парфюмерию, вышло, что везде у нас есть знакомые или наработанные связи.

- Важнее условия хорошие у производителя выбить, Серый! – подытожил я.

- Ну да, ровненько вроде все складывается, - закивал тот, задумался и произнес. – Слушай, ну, вдруг... я просто предполагаю... вдруг, если нам понадобится достать деньги, ты сможешь их достать? Я просто не знаю, сколько там их у тебя, ты ж не говоришь. Хотя мне не жалко, я вижу, дело у нас идет и могу свои ради этого достать и вложить в фирму и

за тебя, и за себя, если ты не сможешь или у тебя их нет! Ты просто скажи как есть, чтоб я знал точно! А деньги – эт не проблема...

Я задумался. Сергей не впервые спрашивал меня о наличии денежной записки. Он даже сказал в тот раз, что имеет счет в банке и какие-то акции в общей сумме на триста тысяч. То его заявление отдавало хвастовством, которое я пропустил мимо и отшутился. Теперь вопрос снова всплыл. Я воспринял его как желание наверняка подстраховаться в случае, если мы не продадим товар быстро. Осторожность – хорошее качество, если она не чрезмерна. Но в вопросе Сергея слышалась нерешительность, которая вызвала у меня легкое раздражение. Именно так я воспринял его вопрос о наличии денег у меня.

- ... у меня есть в банке пятьсот тысяч! Роман, если что, я сделаю доброе дело, выну деньги и за тебя, если у тебя нет, и вложу их фирму! Поддержу тебя! Мне главное, чтобы фирма развивалась! – продолжал Сергей.

Меня передернуло. Сказанное еще сильнее походило на хвастовство, к которому добавилось и откровенное вранье. Вранье я не переносил на дух! Стерпев в прошлый раз, в этот я не сдержался и выпустил свой сарказм наружу.

- Серый, да что там у тебя за банк такой, в котором месяц назад у тебя было триста тысяч, а сейчас уже пятьсот!? – хохотнул я. – Где такие дикие проценты платят!? Я и свои деньги тогда в него сразу отнесу! А!? Че за банк то!?

Напарник умолк. Диалог как обрезало. На неловкой паузе мы подошли к складу.

- Сееень! – крикнул я, войдя в склад первым. – На, новую накладную...

Через пять минут, покинув склад, мы в молчании пошли в офис. Послевкусие от хвастовства Сергея не располагало к общению. Пауза затягивалась. Сергей прервал ее, возобновив рассказ про бокс и свою юность вообще. Я слушал вполуха. Тема была мне неинтересна, но монолог Сергея устранял молчание и позволял думать о своем.

- Давай заедем сюда! – кивнул Сергей в сторону торгового центра справа. Мы ехали на «мазде» из «Меркурия». Переговоры с тамошним директором Сеней Степановым по туалетной воде не удались. Оказалось, Сеня уже брал схожий товар у какого-то своего знакомого. Тот хорошо отстегивал Сене, и оба были довольны. Тот знакомый поставлял туалетную воду и в «Пеликан». Так что Вовка тоже развел руками и отказался брать нашу. Все остальные основные клиенты согласились.

- Давай! – произнес я, находясь в кислом настроении после итога переговоров.

В торговом центре Сергей купил себе сотовый телефон. Но сначала попросил меня показать свой, узнал его стоимость – три тысячи – и уже после стал изучать витрину.

- Вот этот, вроде, неплохой, - произнес Сергей и следом добавил. – И этот ничего...

- Дорогие же! – удивился я. – Десять штук! Нахуй тебе труба за десятку?

- Ну, а если мне нравится!? – с вызовом глянул на меня он.

- Ну, если нравится – бери! – развел руками я и отошел в сторону.

Пару минут за спиной слышалось задумчивое сопение Сергея.

- Вот тоже неплохой, - раздалось сзади, я обернулся, подошел.

- Да, нормальный, - кивнул я, посмотрев на ценник – «7.600».

- И этот нравится, - поджал губу Сергей.

Я перевел взгляд – «5.200».

- Тебе какой больше нравится? – посмотрел на меня напарник.

- Вроде оба нормальные, - пожал я плечами. – Надо потрогать, в руках повертеть.

Следующие пять минут Сергей крутил в руках два телефона и слушал навязчивые басни продавца о преимуществах каждого. Я околачивался рядом и откровенно скучал.

- Ну, тебе какой больше нравится!? – снова обратился ко мне Сергей.

- Да я не знаю... Функционал у них одинаковый. Я бы взял тот, что подешевле...

- Ладно, да, давайте этот! – решился и махнул рукой продавцу напарник, полез в портфель, вынул свои деньги, пересчитал и произнес: Ромыч, слушай, ну, ничего, если я нырну в общак!? А то у меня тысячи не хватает, а с зарплаты я доложу обратно!

- Да ничего, - пожал я плечами. – Учет же есть, доложишь потом и все.

- Да, я сразу доложу, как зарплата будет! – засуетился Сергей, сунул руку в другое отделение портфеля и дрожащими пальцами отсчитал из пачки недостающую сумму.

В пятницу, весь в предвкушении, я сел в поезд и поехал в Москву. К Лиле.

Я лежал на верхней полке и думал о наших с ней отношениях. Все, что я понимал – отношения наши складывались не так, как мои предыдущие. Впервые я решил проявить осознанность и пытался строить их не чувствами, а логикой – создавая в сознании строгий чертеж, а не малюя отношения экспрессией. И Лиля была другой. Осанка, наличие манер, хорошее образование, потомственная принадлежность к профессии. В ней я видел то, что, одним словом, называется – порода. Раньше я не придавал значения подобному. Я считал, что где бы человек не родился, какое бы воспитание не получил – главное, чтобы он сам оказался хорошим. Я отрицал влияние окружения на развитие человека, считая, что самое важное это зерно, находящееся внутри каждого из нас, а остальное приложится. Осознав свою ошибку, я решил зайти с другого конца – начать с обертки и уже в ней искать зерно.

В 8 утра субботы 15 октября я вышел на перрон Павелецкого вокзала и зашагал к главному зданию. В Москве зима ощущалась ближе, воздух уже покалывал лицо холодом. Легкий мороз держал лужицы на асфальте в сетке льда. «Около нуля», - подумал я, глянул вверх на ясное небо без облаков и понял, день будет что надо. Вскоре я увидел Лилю, она стояла в начале перрона в светло-коричневом пальто, черных сапогах и обеими руками в черных кожаных перчатках держала перед собой черную же сумочку. Я улыбнулся. Лиля заметила меня, улыбнулась в ответ. Я подошел и неловко ткнулся губами в ее щеку. Лиля, посмотрела на меня своими необычайно светло-голубыми глазами, порхнула ресницами, ухмыльнулась и потупила взгляд.

- Привет, Лиль! – сказал я и сияя, взял девушку за руку. Сердце радостно забило.

- Привет! – ответила девушка, красивая улыбка пухлых губ в ярко-красной помаде озарила ее лицо. – Как доехал!?

- Хорошо доехал, быстро! Уснул, проснулся и уже Москва... и ты! Пошли?

Лиля кивнула, взяла меня под руку, мы направились в метро.

- Как там Вовчик!? – посмотрела она на меня внимательно, элегантно откинула назад прядь безупречных волос. – Я безумно скучала по вам, мальчики!

Мы провели вместе весь день. Гуляли по центру, пили кофе и ели в разных кафе. На улице быстро теплело. К полудню солнце нагрело воздух на десяток градусов, и я, снова ощутив прилив счастья и забыв все сомнения, стал наслаждаться встречей с Лилей.

- Мне сегодня как-то лениво... - произнесла та, красиво вышагивая рядом.

Мы вышли к парку без единого деревца и сплошь мощеному каменными плитами.

- В Москве сейчас это самое модное слово! Лениво. Ты знаешь!? – Лиля глянула на меня, продолжая отточено вымерять каждый шаг, элегантно цокая шпильками.

- Не, не знаю, - пожал плечами я и приглядел в конце парка свободную лавочку.
- Слушай, Лиль, а почему вы расстались с тем депутатом? – неожиданно для самого себя спросил я, воскрешая рассказ Лили о предыдущих отношениях.

- Он себя повел не по-мужски, - произнесла та после секундной задержки и нервно отмахнулась рукой от кого-то или чего-то незримого.

- В смысле?

- Ну, у нас, как я думала, начались отношения... – сильнее занервничала девушка, неохотно выдавливая из себя слова. – Я поверила ему. Мы уже практически начали жить вместе. А потом он пропал, ничего не объясняя...

Я деликатно не стал развивать тему. При этом помнил, как месяцем ранее пафосно и с придыханием Лиля рассказывала о тех отношениях.

- Надо общаться с людьми своего круга, - говорила она тогда. – Я избирательна в отношениях и с кем попало не встречаюсь. У меня не так давно закончились отношения, длившиеся целый год. Он был депутат. И теперь я точно знаю, какими бывают настоящие мужчины. После такого уважающая себя девушка уже не будет встречаться абы с кем...

Мы подошли к лавочке. Я наклонился и провел рукой по деревянным рейкам.

- Грязно... - глянул я на свои пальцы. – Садись так!

Я подал руку Лиле. Поддержал, и она взобралась на лавку, села на ее спинку и поставила ноги на пыльные рейки. Наши взгляды встретились. Я глянул вниз. Руки Лили, уже без перчаток, лежали на коленях поверх пальто. Я взял их в свои. Обхватил ладонями холодные тонкие пальцы и улыбнулся. Лиля неловко и натянуто улыбнулась в ответ. Я прислушался к своим чувствам. Внутри все молчало. Встревоженный этим, я сжал ее руки крепче. Лиля отстраненно ухмыльнулась, с тенью самоуверенности красивой женщины в своей неотразимости, и отвела глаза вниз влево. Я вдруг осознал, что ничего не чувствую к Лиле. Тревога ушла, и в груди стало пусто. Я разжал пальцы и машинально глянул вниз. Руки Лили лежали в моих ладонях. Они были некрасивы. Я вновь сжал их, инстинктивно гоня прочь последнюю мысль. Но тут же накатила следующая – мне не нравилось трогать ее руки. Некрасивые пальцы смотрели на меня вычурным красным лаком. В моей голове тут же между нами вырос физиологический барьер. Я поднял взгляд. Лиля смотрела на меня равнодушно и снисходительно. Она позволяла быть с ней. Эта простая мысль вдруг пронзила меня. Она позволила сопровождать ее на прогулке, позволила приехать к ней. Она позволила держать ее за руки. Все это Лиля позволяла мне, пряча скуку пребывания со мной за формальной вежливой ухмылкой. Я медленно высвободил свои ладони из-под ее рук, натянуто улыбнулся и сунул руки в карманы. День померк и, летевшие секундами часы, вмиг застыли.

Я поежился. То ли от прохлады, то ли от прозрения. Практично выстраиваемые отношения ползи по швам. Правда, которую я усиленно прятал сам от себя, лезла наружу – я не любил Лилю, она не любила меня.

Вторую половину дня мы слонялись по торговым центрам. Спустились в длинную галерею «Охотного ряда», зашли в парфюмерный магазин.

- Как тебе этот запах? – Лиля выбрала один из флаконов мужской туалетной воды.

- Неплохой, мне нравится, - сказал я машинально и чуть устало, хотелось домой.

- Мне тоже нравится, - улыбнулась она. – Тебе пойдет такой.

Я рассеяно кивнул и вышел в общий холл, Лиля присоединилась через минуту. Гулять с девушкой по торговым центрам не лучшее занятие для мужской психики. Лиля

шла чуть впереди, заглядывая в отделы, рассматривая дорогие женские шмотки. Я плелся позади без настроения и с вежливым лицом.

- Как у тебя дела на работе вообще? – сказал я, прерывая затянувшееся молчание.

- Да так, могло быть и лучше... - взмахнула манерно рукой Лиля. – Пациенты какие-то жадные пошли, жлобы просто! Денег практически не дают, представляешь! Так смешно! Они что думают, я их за так буду лечить!?

- В смысле? – не сообразил я. – Так у тебя же там вроде военный госпиталь...

- Ну и что? – бросила на меня слегка презрительный взгляд Лиля, будто я сказал невероятную глупость. – Всегда все платят там, кто хочет получить хорошее лечение. Раньше такие хорошие пациенты у меня были, даже парочка генералов лежала, всегда деньги давали. Ты думаешь, я эти сапоги на зарплату что ли купила!?

Лиля хмыкнула и отставила одну ногу. Я посмотрел вниз, не разбираясь в женских шмотках, только и смог сказать рассеянно: «А сколько они стоят?»

- Десять тысяч! – возмущенно произнесла Лиля.

- Ого! – удивился я.

- У меня оклад всего восемь, - добавила она. – Этих денег и на еду-то не хватит в Москве. Хорошо, хоть есть сейчас один дяденька генерал, делаю ему процедуры на дому, за каждую платит по две тысячи...

- Нормально так, второй оклад, получается, в месяц, - кивнул я.

- Да, единственный нормальный пациент остался! – сказала Лиля, нервно откинув назад прядь волос. – А эти... жлобы! От них денег не дождешься! Ну, как платят, такое и лечение получают! Я им не Мать Тереза!

- А как же Клятва Гиппократата? – ляпнул я.

- Какая клятва!? Я живу в общежитии, комнатка девять метров у туалета, получаю эти сраные копейки и еще должна соблюдать какую-то там клятву!? Глупости не говори! – Лиля глянула на меня как на идиота.

Время замедлилось еще сильнее. К вечеру оба устали. Мы зашли в очередное кафе. Я тут же плюхнулся на стул, и ноги сразу загудели. Лиля села напротив.

- Во сколько у тебя поезд? – произнесла она.

- В полдевятого, - устало выдавил я и откинулся на спинку стула.

- Уже скоро, - похлопала ресницами Лиля и скромно потупила взгляд.

- Да, уже скоро...

Минутная пауза.

- Я бы пригласила тебя к себе... - начала Лиля.

- Да не, Лиль! – отмахнулся я. – Я ж не из-за ночевки приехал, просто соскучился, захотелось тебя увидеть. Есть возможность меня у себя оставить – хорошо, нет – так нет. Я без претензий, ты не волнуйся об этом! Сяду на поезд и поеду домой! Все нормально...

- Просто у меня там так тесно. Одна кровать, холодильник и все.

- Лиль! – посмотрел я девушке в глаза. – Не парься! Все нормально!

- Ну хорошо! – повеселела та вмиг. – Я так рада, что ты у меня такой понимающий! Мы вышли из кафе и попрощались. Я чмокнул Лилю в губы или в щеку и поехал на поезд. Едва не опоздал. Я запрыгнул в тамбур своего вагона, и состав тут же тронулся.

«Надо было мне все-таки оставить тебя на ночь.»

Я увидел пикирующую «эсэмеску» и едва не рассмеялся, набрал ответ.

«Лиль, все замечательно. Не думай об этом. Спасибо тебе за вечер! Целую.»
«В любую игру можно играть вдвоем», - подумал я и отправил сообщение.

В понедельник к нам в офис пожаловали знакомые Сергея.

- Да, алло!? – произнес он в трубку. – Ааа! Эт ты!? ... Да, на работе! ... Аха! Да подъезжай! Да! ... Аха! Да! Посмотрите, да... да, аха, давай, заезжайте прям шас! Да!

- Кто это? – удивилась Вера, едва муж закончил.

- Да Мелёха с женой! – Сергей довольно шмыгнул носом, откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу и задрогал ей. – Сейчас сюда приедут... к нам в гости!

- Чё за «Мелёха»? – наигранно, копируя привычку Сергея, сдвинул я брови.

- Да сосед мой по площадке! – отмахнулся тот.

- Фамилия у него Мелёхин, вот и Мелёха, - улыбнувшись, пояснила Вера.

Вскоре в дверь постучали.

- Да! – нарочито громко гаркнул Сергей, подскочил с кресла. – Входите!

Дверь открылась, и в комнату вошла парочка. Стройный красивый брюнет под метр девяносто с короткими уложенными назад черными вьющимися волосами – очень импозантный парень чуть за тридцать. И невзрачная некрасивая невысокая полноватая брюнетка с бесформенной фигурой. Контраст между парнем и девушкой резал глаз сразу.

- Кто здесь!? – шутливо встрепенулся Сергей, парочка засмеялась.

Гости сначала поздоровались с Сергеем, после со мной, Верой и стали озираться.

- Ну, как вы тут устроились!? – произнесла возбужденно гостья.

- Бизнес прёт, Серёг!? – добавил брюнет, обвел взглядом столы. – Вижу, прёт!

- Да! Работаем, вот, по-маленьку! – затоптался на месте напарник с нескрываемым удовлетворением от произведенного эффекта и принялся поглаживать ладонью затылок.

- Маловато места тут у вас, конечно... - выдала общую мысль жена Мелёхи.

- Да, Даш, места немного, - сказала Вера. – Сесть тут вам и некуда. Извините, уж!

- Ой, да ладно! Ладно! – замахала та руками. – Мы так! Мы ненадолго!

- Еле вас нашли! – брякнул Мелёха.

- Дааа! – поперхнулся Сергей, отчего-то залившись стыдливой краской. – Мы тут далеко забрались! Зато аренда дешевая и никого нет! Летом тут вообще кайф!

- Да! Летом тут и вправду хорошо очень! – добавила Вера. – Тихо так.

Я молчал и с показным интересом переводил взгляд между галдящей четверкой. На самом деле мне было почти неинтересно. Единственное, посматривая на гостей, я не мог смириться с мыслью, что этот статный парень и совершенно неинтересная страшненькая девушка – муж и жена. Как и зачем!? Я даже представил их в постели и сразу вздрогнул.

«Не, я бы не смог. Даже пьяный в говно, не смог бы», - блуждал я взглядом по ним.

Радость и галдеж продолжались минут десять. Соседи по лестничной клетке успели обсудить все житейские дела – детей, садики, дачи и автомобили. Едва эйфория схлынула, как всем стало скучно и обыденно. Гости поспешно распрощались и уехали.